
Владимир ЗВИНЯЦКОВСКИЙ

КОСА

Повесть

Автор официально заявляет, что все здесь описанное никогда не происходило, да и произойти не могло. Все совпадения описанных лиц с лицами реальными (их именами, отчествами и фамилиями, а также событиями их жизни) есть чистая случайность, за которую автор не готов нести никакой ответственности.

ПРОЛОГ. ИСКРИВЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ

Я никогда не рядил моих героев в шутовское платье! Они без моего ведома разыгрывают какую-то старую легенду! Я не признаю никаких легенд, никаких мифов и прочих пошлостей! Тем более — аллегорической игры словами: неприлично называть косой смерти женскую косу! Это порочит дамское сословие!

Александр Блок

Палиндром

...И вот это ощущение: посреди вселенской жары, духоты — свежий ветер с лимана — и сразу легко дышать. Будто сорок лет шел по пустыне и дошел до края земли между предвечным океаном и вот этим самым лиманом — и вот это и есть тебе Богом обещанная земля.

Тут Гуров сказал себе стоп. И замер на кромке моря. Ветер свистел у него в ушах не в такт прибою, и это мешало сосредоточиться. И все же он вспомнил, когда в предыдущий раз испытал это ощущение солнечного удара и легкого дыхания. Ну конечно! Сорок лет! Олимпийский 1980 год. Как назывался тот поселок? Ну да, Затока. Когда сегодня они с Яной и Фокси его проезжали, водитель громко объявил: «Затока», Фокси затявкала, и Гуров сонно скаламбурил: «Затявкала на Затоку». И не дал себе труда подумать и вспомнить.

Владимир Янович Звinyaцковский родился в 1957 году. Доктор филологических наук, профессор. Автор книг и статей о Гоголе и Чехове, учебников по литературе для средней школы, составитель книги «Предания веков. Русская историческая повесть» (в 2 т.), популярного издания по скандинавской мифологии «Мировое дерево Иггдрасиль», переводчик Д.-Г. Лоуренса (2003) и др. Живет в Киеве.

Значит, восьмидесятый. Они с Аней сбежали от всей этой дуристики с олимпийской символикой. Подобно ядерным державам, враждебным их стране, а также сателлитам этих ядерных держав, он, Паша Гуров, применил к своей стране антиолимпийские санкции за войну в Афганистане, нагло развязанную его страной.

Паша чуть сам не попал в качестве пушечного мяса на ту войну, но вовремя откосил, прикрывшись справкой о липовой астме, и ныне блаженствовал в аспирантуре. А вот у Пашиного друга Жени Бройтмана откосить не вышло, его туда отправили и через месяц вернули родителям в цинковом гробу, который нельзя было открыть. Получив в таком виде единственного сына, мать сошла с ума, не разрешала хоронить, ходила по разным начальникам со слезной просьбой открыть ей гроб. В день уже назначенных похорон она исчезла и нашлась у ворот Кремля, где пыталась пробиться к Брежневу. Который, кстати сказать, в Кремле работал только на трибуне и в президиуме Дворца съездов во время съездов партии, а вообще-то служил на Старой площади, как и полагалось такому старому человеку, о чем диссидентствующие остроумцы каламбурили так же неудачно, как Гуров сегодня о Затоке.

Значит, Затока. Пока Москва захлебывалась блевотиной олимпийских славословий, Аня и Паша валялись на песке между морем и лиманом. Кира, их двухлетняя дочь, осталась в Москве с родителями Ани. Между прочим, вчера Арик, двухлетний сын Паши и Яны, тоже был оставлен с бабушкой, Яниной мамой. «Такой вот палиндром», — подумал Гуров по профессиональной филологической привычке, до конца еще не понимая, насколько же он прав.

Да и кто бы тогда мог это понять или хотя бы в это поверить?

Коса появляется на гугл-карте

По поводу названия того села, куда они прибыли сегодня с Яной, Гурову даже каламбурить не хотелось, да и рифма напрашивалась столь очевидная, что сразу расхотелось и стихи писать: село называлось Будаки. Но вот чего хотелось: взглянуть на карту. Может, там можно найти определенный ответ на неопределенный вопрос о тоже неопределенных, но явно мистических свойствах Косы?

Вынув из кармана шортов старенький смартфон, Гуров убедился, что даже тут на краю земли верный провайдер обеспечил каким-никаким Интернетом. Карта загрузилась легко, и географические ощущения Гурова с блеском подтвердились. Ну так и есть. Автобус обогнул лиман по проезжей дороге, но имеется и прямой пешеходный путь из Затоки в Будаки, километров двадцать между морем и лиманом, вот по этой самой песчаной Косе.

Это географические. А мистические?

Прогулявшись какой-то час в одиночестве по пляжу, Гуров резко развернулся, чтоб идти в свой новый дом на базе отдыха «Прибой». Навстречу ему шла немолодая, сухощавая, коротко стриженная женщина с косой. «Идет косить травку на прилиманском лугу. Держит коровку. Надо будет потом, как обустроимся, договориться о молоке», — подумал Гуров.

Вечером Гуров предложил Яне план похода на завтра.

— Двадцать километров? Ты с ума сошел. Все время идти? По песку?

— Ну зачем все время? По пути будем плавать. Через восемь километров нам встретится единственный промежуточный населенный пункт, некая Сергеевка. Там на карте обозначены кафешки. Пообедаем и снова в путь...

— А как ты себе представляешь собаку? Таксам столько ходить нельзя! Сердце может не выдержать.

— А мое, думаешь, долго выдержит эту неизвестность?

— Да объясни же толком, что происходит.

Но толком объяснить Гуров не мог, и семейный поход не состоялся.

На рассвете, оставив спящей Яне мутную записку и цыкнув на поднявшую было голу Фокси, он вышел в одинокий путь.

Коса длиной в жизнь

И как-то сразу все ушло в небытие, словно провалилось сквозь землю.

А что «все»? Что было-то у него к рассвету того дня — 25 июля 2020 года?

Молодая жена, сын от нового брака и собака. (Существовавшие где-то в Америке первая жена, дочь от первого брака и вроде бы даже внуки вряд ли могли считаться бывшими «у него».)

Еще двухкомнатная квартира в Киеве, на Батыевой горе, общей площадью сорок два метра квадратных. Квартира, понятно, не ахти, но Гуров втайне приплюсовывал к сорока двум метрам необъятный киевский пейзаж, открывавшийся с балкона, и еще необъятнее — небо над ним. Не любил он встречать рассветы, но зато с фанатизмом, достойным лучшего применения, старался не пропускать и встречать на балконе по возможности каждый новый закат. Стоял лицом на север, а заходящее солнце (слева) чудным, все время меняющимся светом подсвечивало город (справа). То загорится в последний раз купол колокольни Софийского собора. То багровые огни запляшут в окнах небоскребов.

Гуров говорил, что каждый квадратный сантиметр этой убогой квартиры полит его потом и кровью. Это потому что для своевременной выплаты ипотечного кредита ему последние два года перед пенсией приходилось днем с самого утра работать одновременно в двух частных школах, по вечерам заниматься репетиторством, а по ночам писать учебники. А в это время Яна рожала, вскармливала и взращивала Аркадия — значит, не только не могла ничем помочь в заработке мужу, которого была моложе ровно на тридцать лет, но гибкой и цепкой лианой повисла на его не столь уж могучей шее, да еще и вместе с младенцем, которому на одни только памперсы уходило... ну и т. д. и т. п.

Однако, не обладая могучей шеей и накачанными бицепсами, Гуров зато мог похвастать быстрыми и выносливыми ногами, что часто он и делал. «Эй, шестнадцатилетние, вы хоть поспевайте за шестидесятилетним!» — вопил он на подопечных школьников во время серьезных походов по туристическим тропам Карпат.

Кстати, босиком по песку идти было вовсе не так трудно, как это представлялось Яне. Дорога вообще не требовала усилий. Можно было созерцать дали, ориентироваться, думать, вспоминать. И слушать эти пески, поющие свою тихую, заунывную, таинственную песнь.

Сорок лет назад по лиману ходил катер до Аккермана. Помнится, взобравшись на одну из башен Аккерманской крепости, юный Гуров воображал себя турецким пашой и кричал в лицо набегавшему ветру цитату из Пушкина:

А правил Буджаком паша
С высоких башен Аккермана.

Знал ведь наизусть любимых «Цыган». Теперь уж забыл, но эти возвращенные ветром строки засели крепко. Он еще проорал тогда с башни:

— Я паша! Я Паша! Я паша Паша!

И еще раз стоп. Значит, никакие не Будаки. Это все славяне переврали. Или молдаване. А на самом деле Буджак, от турецкого *bucak*, — угол. Так турки называли эту область на юге Бессарабии, южную часть междуречья Днестра и Дуная, с востока омываемую Черным морем.

В телефоне звякнуло обновление ленты новостей. Посмотрел. «На 85-м году жизни скончался Виктор Чижиков — автор образа медвежонка Миши, талисмана летних Олимпийских игр 1980 года в Москве». Вот и еще одна рифма прошлого с будущим. Гримаса истории. Искривление времени. Дело в том, что Виктор Чижиков — Анин учитель. Хорошо, видать, учил, коли Аня там в Америке преуспевает, для диснеевцев мультики рисует. А в пору Аниной учебы этот Чижиков крепко глаз положил на юную ученицу с пышной косой и тоже пышной грудью, а еще в нее был влюблен ее товарищ по той же худшколе — Козликов. А Гуров знай себе ваял эпиграммы:

Чижиков козликов с нами рисует,
Козликов чижиков браво малюет и т. п.

И в результате этого рыцарского турнира поэт победил художников, но пирровой была его победа. Впрочем, это Гуров поймет уже потом.

Да и ни у кого в том кружке, кроме Ани, жизнь не сложилась. Козликов спился. Что до Чижикова и медвежонка Миши, то неизвестно кому из них двоих было хуже. Трагедия разворачивалась на глазах у Ани с Пашей, часто навещавших «старика» («Оказывается, ему тогда было сорок пять», — с удивлением сейчас подумал шестидесятилетний Гуров). Все друзья и ученики в один голос советовали художнику заключить нормальный цивилизованный авторский договор с советской властью. Но договор она с Чижиковым не заключила, а когда он попробовал настаивать, отрезала: «Автор медведя — советский народ!» Да уж, какое именно животное выбрать в качестве символа московских игр — это решалось в ходе всенародного голосования — видимо, единственных альтернативных выборов во всей советской истории. Не дождавшись официального приглашения на церемонию открытия Олимпиады, Мишкин автор тоже применил свои санкции, аналогичные гуровским: уехал в деревню за сто шестьдесят километров от Москвы. Там и учеников, и друзей в сентябре принимал по случаю своего дня рождения. Плакал:

— Отобрали у меня Мишу. Хоть бы уж продали фээргэшникам! Те хорошую цену предлагали — сто тысяч дойчмарок. Это ж где-то тридцать тысяч американских долларов по курсу, если не больше. Ясно, от этих с.. мне б перепало ровно ноль дойчмарок, а по курсу ноль долларов. Но как знать, может со временем можно было бы западных немцев усювестить, эти бывшие фашисты теперь главные гуманисты... Но нет, не продали Мишку, патриоты сраные. Говорю: ну хоть мне его отдайте. Полетал уж над Лужниками, и даже спели, что, мол, вернулся ласковый Миша в свой сказочный лес, — ну так в том лесу я и живу, отдайте! Нет, говорят, товарищ Чижиков, говорят прямо в стихах: место этого символа и раритета — в хранилище Олимпийского комитета.

И через несколько лет, по слухам, Мишку в этом замечательном хранилище съели крысы.

Воспоминания прервала большая белая птица, пролетевшая над пляжем, над заболоченным, заросшим осокой берегом лимана и мягко опустившаяся на его водную гладь. Пеликан! А вон другой плывет ему навстречу... Семейная пара?

А прямо по ходу, на кромке во все стороны пустой Косы, маячил одинокий силуэт, разукрашенный в невообразимо ядовитые цвета. Человек в пестрых тряпках? Гу-

рову уже примерещилась встреча с цыганкой Земфирой. Но по мере приближения неопознанный цветной объект терял воображаемо приятные женские округлости и приобретал рисунок геометрически правильного конуса, да еще и вертящегося на тонкой ножке. Какая-то странная секта водрузила этот предмет высотой в человеческий рост, похожий на искусственную (ну очень искусственную) новогоднюю елку. В алюминиевую палку с дырками были вставлены под углом шестьдесят градусов такие же четыре палки, но поменьше. К ним проволочками прикручена разная дрянь: бумажные пакетики из-под сока, консервные банки, сдувшиеся воздушные шары. Ветер, который здесь никогда не прекращается ни на минуту, все это красиво и правильно вертел по часовой стрелке.

Павел взял «елку» за «верхушку», на миг остановил и запустил против часовой стрелки. Ветер не дал пройти ей полный круг, развернул назад. Но за одну-две секунды, пока «елка» послушно двигалась в направлении, указанном Павлом, он как бы прошел сквозь турникет. И сразу за плавным поворотом Косы ему открылся вид на железнодорожный мост над подлинным устьем Днестра, где наконец соединяются его воды, отфильтрованные лиманом, с водами Черного моря.

По мосту прошла старенькая, но свежеевыкрашенная электричка советского образца. Морда электровоза лыбилась олимпийской символикой.

ГЛАВА I. ПОТЕРЯННЫЙ РАЙ

С душой задумчивой я ныне посетил
Страну, где грустный век ты некогда влачил.

Александр Пушкин. К Овидию

Кто поставил буй?
Спасатель тел.
Что поставил спасатель душ?

Павел Гуров. Хокку Затока, июль 1980-го

Спасатель

Мирный плеск морского прибоя после грохота вагонов вполне мог сойти за полную тишину. Железный мост, раскаленный полднем июльским солнцем, плавился и обжигал босые ступни.

Удивительно пусто было на мосту и в его окрестностях. Лишь какой-то одинокий путник стоял у железных перил, вглядываясь куда-то в морской горизонт. Когда Павел прошел мимо него, тот посеял ему вослед.

Этот случайный попутчик, видимо, из местных, но как две капли воды похожий на Владимира Высоцкого, в ответ на вопрос Гурова кивнул и молча согласился показать приезжему курортнику то место, где раньше была база отдыха «Якорь».

— Странно, что старая будка спасателя сохранилась, — заметил Гуров, когда они с этим случайным попутчиком, перейдя железнодорожный мост, дошли наконец до береговой линии Старой Затоки.

— Думаешь, так хорошо сохранилась? — переспросил Гурова его Вергилий голосом Высоцкого.

— А вы сами что думаете по этому поводу? — не понял Гуров.

— Ты главное, паря, с ума не сойди! — назидательно произнес Вергилий Семенович и испарился прямо на глазах.

— Ну где тебя носит? — услышал Гуров знакомый девичий голос.

К нему подходила загорелая двадцатилетняя Аня.

— Выглядишь ужасно, — констатировала первая жена. — Ты что, пил? А ну дыхни?

— Ты не помнишь, у нас была собака? — ответил Павел вопросом на вопрос.

— Ну точно, пил, — сокрушенно отметила Аня. — Бедняжка, оказывается, ты все еще грезил о собаке! Забыл спьяну, что у меня аллергия на собачью шерсть?

Подойдя вплотную к Паше, Аня сильно, обеими дочерна загорелыми руками, взяла его за пышные кольца шевелюры, разросшиеся над ушами, прижала его голову к своей полной и тоже загорелой груди, лишь слегка закрытой купальником, и затем резко оттолкнула:

— Отстань.

— Даже не начал приставать.

— Хватит секса. Хватит моря. Давай прогуляемся до Овидиополя. Я читала, что именно в то место римский император сослал Овидия, и Овидий там умер.

— Ну, Пушкин уже искал там его могилу и не нашел, — вяло откликнулся Гуров.

И все поплыло у него перед глазами: и море, и красноватое солнце, и подсвеченный багровыми огнями лиман. И только красные пятнышки на Черном море были настоящими — это были буйки. И Гуров сразу вспомнил глубокомысленные хокку, которые они с Аней от нечего делать сочиняли, загорая на пляже, и спросил ее, указывая на ближайший буюк:

— Кто поставил буй?

— Спасатель тел, — как бы механически ответила она.

— А ты еще не придумала, что поставил спасатель душ?

— А зачем? — ответила теперь она вопросом на вопрос. — Ведь хокку закончено.

И они отправились пешком в Овидиополь. И вот что странно: Павел, уже прошагавший в тот день без остановки двадцать километров, не чувствовал усталости. После похода в Овидиополь ночной секс был столь бурным, что узкая кровать этих бурь не вместила — кончать пришлось на полу. И Анина на ночь расплетенная коса, как показалось Гурову, укрыла его собственное тело с головы до самых пяток.

Примитивный «финский» домик (из двадцати таких домиков, отдельно стоящей столовой — домика побольше — и отдельно стоящего кирпичного сортира с умывальниками и состояла база отдыха «Якорь») был разделен фанерной стенкой на две узкие комнаты; в каждой из них помещались две узкие кровати и приставленные к их изголовьям прикроватные тумбочки. Между кроватями был и вовсе узкий проход, так что не всякий и не всякая могли бы в него протиснуться. Например, роскошная Валентина (соседка за фанерной стенкой) отнюдь не могла, так что мужу ее Василию пришлось развернуть кровати спинками к тумбочкам и сдвинуть между собой пружинные матрасы: входная дверь, таким образом, открывалась у них прямо в двуспальное супружеское ложе. Эта пара была лет на десять старше Ани с Пашей, но держалась с ними по-приятельски и тоже активно занималась сексом ночью и даже днем, причем Валя не сдерживала страстных криков ни днем, ни ночью.

А чем еще было заниматься на базе отдыха «Якорь»? Слушать наимодевшую западную музыку, лившуюся прямо в Васин транзистор с близкой румынской радиоволны, или «вражеские голоса», которые здесь ловились постоянно и чисто, не то что в Москве? Так этим были заняты только уши и немножко голова.

В тот поздний вечер 25 июля 1980 года изможденные Аня с Пашей еще валялись на полу, когда сосед Вася им в стенку постучал: «Умер Высоцкий». И старей-но-

вый-помолодевший Гуров, вроде бы сорок лет уже знавший эту новость, которую Вася только что выловил из транзистора, плакал, как ребенок, будто услышав ее впервые. Аня, успокаивая, гладила его по голове, а он все думал: «А где же тот, другой, двадцатилетний я?»

Время не на шутку искривилось, и пространство ему подыграло?

Хороший вопрос. Почему «тот» безропотно ушел (и куда?!), а я занял его место? Потому что «он» и есть «я»?! Потому что это тот самый Паша Гуров, который за эти сорок лет, как видно, ни капли не изменился?! Но все это риторика, никак не объясняющая реальность.

Риторика риторикой, но и правда в ней была. Конечно, теперешний Павел, оказавшись на месте того юного, чувствовал себя чуть лучшим человеком — но это все потому, что того юного испортил квартирный вопрос. Из-за этого проклятого вопроса они в конце концов с Аней и расстались. Ведь, если честно, лучше всего им было на базе отдыха «Якорь», «а вечно любить невозможно».

Что хорошего в том, чтобы быть молодым? Месяц пролетает, как день. 1 августа надо сдать комнату следующей смене и в тот же день сесть в электричку. И в Одессе пересест в плацкартный вагон. И до 5 августа в Москве оформить Киру в детский сад. И осенью снова ездить на метро в университет. И забежав после пар за Кирой в детсад, надо каждый вечер возвращаться в «свою» комнату в двухкомнатной квартире Аниных родителей. А по-настоящему своего жилья, хотя бы такого, как на базе отдыха «Якорь», у них не могло быть «по определению».

— Ничего, надо потерпеть, — уговаривал Паша, ведя упирающуюся Киру в детсад. — Вот папа закончит университет, издаст свой роман, получит офигенный гонорар и купит нам с тобой и с мамой квартиру. И будет весь день в ней сидеть и писать новый роман. И тебя тогда не то что в этот дурацкий садик — в школу не пустит, а сам всему научит...

— Папа! — строгим голосом прервало дитя этот детский лепет. — Дедушка говорит, что квартиры не продают — их дают.

Ну не объяснять же ребенку то, что невозможно объяснить подполковнику-тестю?!

А подполковник оказался вовсе не таким солдафоном, каким представлялся Паше. Не дожидаясь производства в полковники, он вспомнил о своем еврейском происхождении. Вышел в отставку, взял в Минобороны справку, что ничем секретным в своем подполковничьем чине не занимался (да кто б его и допустил до секретного с таким происхождением?), и был с дорогой душой отпущен в Израиль, сиречь в Америку, где сразу устроился работать по своей исконной специальности инженера-строителя. А зятя-дармоеда брать с собой категорически отказался. Потребовал развода. И Аня, что интересно, легко согласилась с отцовским требованием. К тому времени, когда Кире надо было идти в школу, любовь постепенно совсем прошла — как говорится, увяли помидоры на скудной почве тещиной хрущевки.

«Ты ничего не сделал для того, чтоб любовь не прошла» — эти ее прощальные слова показались Паше сплошной демагогией и сплошным лицемерием. «Разве для любви надо что-то делать, если любовь настоящая?» — ответил он. А нынешнему Паше по прошествии сорока лет именно его тогдашний ответ кажется сплошной демагогией и сплошным лицемерием. И еще ему кажется, что если бы он мог в самом деле вернуться на сорок лет назад, он бы не только так и не дописанный роман и призрачную

филологическую специальность — он бы все отдал за эту самую любимую в своей жизни расплетенную косу...

Но ведь он же и вернулся, разве нет? Вот она, так называемая точка бифуркации. Как там у Брэдбери: не сходи с тропы? Ну так он сойдет и заплатит любую цену: пусть даже Горбачев случайно не сойдет с ума, уподобится Брежневу и вплоть до 2020 года правит «великим, могучим Союзом»!

Да, но как же проститься с Яной? По-человечески хоть с одной своей женщиной проститься — можно наконец?!

ГЛАВА II. ХОЗЯИН КОСЫ

Пессимист вздыхал в печали:
— Что-то мыши измельчали!
— Ерунда! Все те же мыши...
Мы с тобою стали выше!

Андрей Усачев

Дядя Толя

Паша Гуров не зря весь тот день (если его можно было назвать «днем») возвращался к мысли о только что скончавшемся и сорок лет им не виданом художнике Чижикове. Ведь, пожалуй, с той самой олимпийской поры не было в окружении Гурова другого подобного Чижикову художественного великана и тяжеловеса — да и научно-го, политического иль какого иного великана, пусть и с игрушечной фамилией, тоже не было. Никому из гуровских знакомых, равно как и самому Гурову, не удавалось сотворить таких весомых игрушек, как чижиковский мишка. Да не было и лиц нормальных, глаз горящих. Или потухших — но так, чтоб было видно, что когда-то горели и выгорели.

Да откуда и мысли такие о таких-то глазах в такие-то годы? А ведь мелькнула уже эта мысль вроде бы накануне, слабенько мелькнула, не додумалась и сразу забылась — когда именно?

Точно, когда в домик на краю Косы заселялись. У хозяина этой так называемой базы отдыха, давно приватизированной и неплохо отремонтированной, были глаза настолько радикально потухшие, что сразу угадывалось в их очень далеком прошлом пылкое горение. И сам хозяин базы и глаз (представился: «Дядя Толя») кого-то дико напоминал из далекого прошлого.

Дядя Толя — вот с кем бы прогуляться в Затоку прошлое повспоминать! А на сегодня хватит воспоминаний, тоже мне живая Википедия! Бегом назад мириться с женой и собакой — и окунайтесь в теплые воды Мирового океана!

Паша не был предателем по жизни. Однако, перейдя мост через устье Днестра в обратном направлении, он и думать забыл про Аню. Или лучше так сказать: думать-то он не забыл, но мысль его все больше склонялась к иной реальности. И реальность была такова: там, за мостом, он случайно задремал и увидел дивный сладкий сон о юности. И вынес из этого сна совершенно правильный, но, увы, запоздалый вывод. Что если бы он мог в самом деле вернуться на сорок лет назад, он бы не только так и не дописанный роман и призрачную филологическую специальность — он бы ВСЁ отдал за эту самую любимую в своей жизни расплетенную косу...

Вот и «елка». Дурачась, Гуров крутанул «турникет» в обратную сторону. Обратный путь до Будаков предстоял долгий. Легко шагая по горячей песчаной Косе, можно

было устроить маленький мысленный эксперимент. Представить себе это ВСЁ образца ранних 1980-х. Которое он, Паша Гуров, отдал бы за самую любимую в своей жизни расплетенную косу. Испил бы до дна ту чашу, что пили нормальные молодые мужчины его поколения, если в самом деле хотели всерьез и надолго построить отношения с требовательными молодыми женщинами того же поколения.

Итак, прежде всего пришлось бы пожертвовать веселым разгильдяйством и чистоплудностью. Еще студентом пойти работать наемным штатским работягой к Аниному батю в стройбат. Батя и похвалил бы, и устроил, и даже, вполне вероятно, для счастья молодой семьи не ушел бы в отставку, а стал полковником и оказал могучее покровительство вплоть до получения для них отдельной квартиры. И легко можно было бы, автоматически, по окончании универа с военной кафедрой, став младшим лейтенантом запаса, ради этой самой квартиры перевестись на действительную службу — черт с ним, пусть и с риском загреметь в Афган. Он или выжил бы там — и по возвращении Аня бы его любила, или не выжил бы — и мертвого она любила бы его еще больше.

Он стал догонять вчерашнюю женщину с косой. И в самом деле, возвращаясь в село, она, кроме косы на правом плече, несла в левой руке, нежно прижимая к груди, пук свежей травы.

Все, хватит. В этом гулком морском раю можно сойти с ума от одиночества. Яна? Она еще девочка. «Они теперь взрослеют позже, чем в свое время выросли мы», — вдруг понял Гуров. Тридцатилетняя девочка. Тонкая, прекрасно сложенная, изящная блондиночка с широко распахнутыми синими глазами и в умопомрачительном купальнике, какие они все сейчас носят, практически не прикрывая ничего.

Но в дни короткого отпуска тянуло пообщаться с кем-то взрослым. С кем? Не с коровницей же с косой. Хорошо бы все-таки заманить и приручить дядю Толю.

А кстати: совершенно напрасно Гуров пренебрег женщиной с косой. Аделаида Юльевна, москвичка, в один весенний день, когда, как пелось в песне ее детства, даже пень березкой снова стать мечтает, отказалась признать незнакомую бабку в зеркале своим собственным отражением. Цель была ясная, перспектива светлая: к концу лета встретиться в зеркале пусть и с незнакомой, однако моложавой дамой, прекрасной во всех отношениях.

Первым делом были выстрижены под ноль волосы на голове и на лобке. Аделаида твердо решила дочерна загореть всем телом от затылка до пят, включая и те места, которые она даже про себя, как интеллигентка в пятом поколении, никогда не называла их собственными именами.

Авторитетный московский врач посоветовал Аделаиде спать на свежескошенном сене причерноморского луга. А всем известно, что лучшие луга всего Причерноморья на нашей Косе. Аделаиде удалось снять в Будаках домик с верандой, на которой как раз можно было разложить сколько угодно свежескошенного сена. Другое дело, что у нас в стране, где вот уже сто лет все равны и всякий труд почетен, у нищих слуг нет, так что косить травку Аделаиде пришлось научиться самой. Надевая длинное, просторное черное платье на голое тело, Аделаида Юльевна дважды в сутки, на утренней и на вечерней зорьке, шла в луга с косой. Лишь единожды больно порезав ногу, она стала аккуратнее и теперь во время косьбы больше думала про сам процесс, а не про то, как косил Лев Николаич и почему не косила жена его Софья Андревна.

Если бы Гуров (как он в первый день и собирался) попросил у «коровницы с косой» парного молочка, то, обнаружив свою ошибку, он, конечно же, дабы загладить неловкость, сблизился бы с ровесницей и нашел бы много общих тем. Но события этих

дней настолько выбили его из колеи, что стало не до молочка. Да и вряд ли бы Гуров, если бы мы ему поведали о том интересном общении, которое он упустил, так и не обратившись к Аделаиде, так уж сильно бы стал жалеть о несостоявшемся сближении с ровесницей. Ибо поговорить по душам ему сейчас хотелось со старым опытным мужиком, а сближаться все более и более он предпочитал теперь с Яной. Или с Аней... Но какая же она в этом случае ровесница?

О миссии актера

Заманить и приручить дядю Толю оказалось не так просто. Ни любителем такс, ни любителем молоденьких женщин дядя Толя не оказался. Уж как ни подлизывались Яна с Фокси! Такса, когда дядя Толя наклонился ее погладить, просто встала передними лапами ему на брюки и все лицо его облизала. Стерпел, но без восторга, и сразу вежливо ушел, сославшись на дела.

Повелся он на шахматы. Как только Яна вытащила из рюкзака изящный аглицкой работы несесер дорожных шахмат — так сразу и притаился к ним на веранду. Присел на свободный стул, не дожидаясь приглашения. При первом же неудачном Янином ходе пробубнил вроде как себе под нос, но отчетливо слышно:

— Женская логика.

— Может, вы, мужчины, сами между собой тут сыграете? — не на шутку обиделась Яна. — А я пойду насчет закуски вам похлопочу.

— И насчет выпивки бы неплохо, — опять без тени юмора пробасил дядя Толя, без промедления садясь на ближний к шахматам стул, который уступила ему Яна.

Вскоре он выиграл у Гурова партию, казалось бы доведенную Яной до полной безнадёги, и довольно откинулся на спинку стула.

— Не, ребята, неинтересно с вами играть!

Но тут, как ни странно, подоспела закуска, и даже с выпивкой. А странно это было, во-первых, потому, что все это было Яной проделано быстро, без звука и без ее любимых феминистических вроде бы шуточек, а на самом деле — шуточек. А во-вторых, бутылки-то никакой в загашнике у Гуровых не было. «Это она специально сбегала вчера, пока я по берегу гулял и в Затоку загулял, — догадался Гуров. — Чтобы мириться...» Но поскольку мириться Гуров прилез со всяческой нежностью сам первый добровольно (и это было впрямь вчера, а не позавчера — как было бы, если б он действительно провел ночь с Аней?), постольку запасливая Яна бутылочку-то до следующего торжественного случая и припрятала.

Так, значит, случай у нас — торжественный?.. Самое смешное, что и у самого Гурова было нынче, при дяде Толе, такое же торжественное чувство.

За закуской с выпивкой языки постепенно развязались. Яна даже разок дерзнула, нахально спросив:

— Скажите, Анатолий, и часто вы употребляете?

Дядя Толя ничуть не обиделся и ответил по делу:

— Давно бы спился, если б не моя миссия.

— Миссия директора базы отдыха? — удивилась Яна.

— Нет, миссия актера, — уточнил Анатолий.

— Представьте, я уже и эту вашу миссию успела заценить. Имела удовольствие слышать вас вчера на базаре.

И моментально, без перехода, жалобным, но очень музыкальным голоском пропела частушку:

Лучше жило в Эсэсэр
Наше поколение:
Раньше подымался х...,
А теперь давление.

И прибавила:

— Я думала, вы специально поете «под Высоцкого». Голосу подражаете. А чем больше вас сегодня слушаю за водкою в быту, тем больше понимаю, что это и есть ваш настоящий голос. Очень сексуальный, кстати...

— Да тут меня весь поселок Высоцким дразнит, — заметил Анатолий, как бы мимо ушей пропуская смелый и двусмысленный комплимент девушки. — Кликуха у меня тут такая. А я ведь правда актер по профессии.

— Уж не с Таганки ли? — ехидно спросила Яна.

— С нее, родимой...

Девушка даже задохнулась от такого беззастенчивого вранья — и, задохнувшись, промолчала.

— Не бойсь, я не псих, — добродушно заметил дядя Толя. — А мог бы стать, если б не миссия. Бывших актеров не бывает. Глаза все время в работе, голова, мимика, тело. Наблюдаешь людей, пробуешь их сыграть или для них сыграть — вот как сейчас для вас, ребята.

Гуровы весело поаплодировали, даже Фокси хвостиком повиляла. Дядя Толя встал из-за стола, театрально раскланялся:

— Ну, спасибо за все, а мне пора.

— Не уходите! — искренне всполошилась Яна. — Расскажите еще о профессии.

Анатолий садиться не стал, лишь картинно облокотился о перила веранды, как бы подготовившись к длинному монологу.

— Вот если бы ты сказала: «Расскажите о своей профессии» — ушел бы сразу, — так начался монолог. — Но ты просто сказала: «Расскажите о профессии». Так вот что я скажу вам, ребята, о профессии — о важности профессии.

Врез 1. Первый монолог актера

За свою долгую жизнь я был свидетелем сотен, если не тысяч человеческих жизней — от их начала и до их конца. И вижу жесткую, жестокую закономерность: главное для человека — найти свое дело, свою, и только свою профессию. Главное в жизни и мужчины, и женщины — это работа. Не хобби, не семья, не спорт, не секс, не здоровье, даже не бизнес (это немножечко другое, чем просто работа).

Те из моих знакомцев, у кого была она (профессия, миссия, работа), имели и все остальное, они были счастливы. А некоторые и до сих пор... А те, у кого ее нет, метались между бизнесом и семьей, мужчинами и женщинами, алкоголем и наркотиками и т. д. и т. п.

Такие даже если до старости и не слетят с катушек, то уж на старости оторвутся по полной. Мучить будут психами и разными болезнями детей и внуков. Интриговать по мелочам, но с крупными скандалами, доводя ближних до нервного срыва.

Сейчас ведь как? Старость постепенно отступает. В шестьдесят, а то и в семьдесят парень или девка могут выглядеть и чувствовать себя на сорок—пятьдесят. А рабочие места в дефиците, правильно? Старичок и старушка чувствуют себя прекрасно и выглядят божественно, на них бы пахать и пахать — ан нет, извини-подвинься, уступи место следующему поколению.

Так вот я и говорю: профессия не должна зависеть от наличия для тебя рабочего места. Писатель, композитор свое рабочее место носят всегда с собой, в виде ручки с блокнотом, гитары или хоть дудки какой-никакой. А у хорошего врача в нагрудном кармане всегда стетоскоп, и он всегда готов оказать больному помощь, хоть на старости лет не греша против клятвы Гиппократова.

Вот так и актер. Помните старый мультик?

Мы свое призвание не забудем:
Смех и радость мы приносим людям.

По направлению к Затокe

Не пропел, а внятно проговорил. И убедившись, что оторопелым собеседникам крыть нечем, — на сей раз, не кланяясь, с достоинством удалился.

Проследив за ним взглядом, пока он не скрылся за угол дома, Гуров заметил:

— А вдруг он и впрямь с Таганки?

— Скажи еще: а вдруг он и впрямь Высоцкий, — фыркнула Яна.

— Почему нет?

— Так, больше не пить!

— Ты простишь меня в очередной раз, если завтра с раннего утра я в очередной раз исчезну? Хочу за ним понаблюдать.

— Да на здоровье, — все же немного обиделась жена. — Уверена, часов в восемь все мы встретимся на том же базаре. И даже, может, подпоем знакомой частушке про х...

— Попрошу без дурацких и к тому ж несправедливых намеков, — возразил Гуров и быстро унес жену в постель, причем она не возражала.

А на рассвете чуть не упустил он дядю Толю, бесшумно промелькнувшего в окне. На ходу натянув плавки и вскочив в оставленные на пороге сандалии, Гуров метнулся вслед намеченному объекту.

На пляже, куда вышел Анатолий, не было еще ни души. Пока он плавал, балдея и отфыркиваясь, Гуров прятался за углом недостроенной гостиницы, нагло выползшей на самый берег. Но вот дядя Толя вышел из воды, отряхнулся, как пес, и потрусил по Косе по направлению к Затокe.

Присев на каменную плиту, Гуров наблюдал за объектом, пока тот не скрылся из виду. Спешить было некуда, ибо и объекту деться тут некуда: справа море, слева лиман. Что ж, будет возвращаться назад — придется наблюдателю притвориться вышедшим на раннюю прогулку. А пока — в воду: она теплей рассветной зяби воздуха.

Заплыв поглубже, Гуров увидал сутулую фигурку, удаляющуюся вдоль берега. Вылез из воды, попробовал по-дяди-Толиному отряхнуться — ничего не вышло, ни капли с него не упало.

А сам дядя Толя все же исчез, хоть было это вполне невероятно.

Пытаясь его догнать, Гуров на сей раз очень быстро дошел до «елки», повернул «турникет», перешел через мост и еще с него заметил вдали на берегу Анину фигурку, которую не спутал бы ни с одной в целом свете.

И еще ее запах, который он почуял уже метров с десяти... С начала XXI века наши женщины напрочь утратили свои собственные уникальные запахи. Даже кремы, не говоря уж о прихотливо, по случаю, подбираемых духах, в лучшем случае дают тебе информацию о том, каким именно случаем в ее жизни в настоящий момент являешься ты сам. Однако в СССР дефицит был даже на информацию о косметике, не говоря

уж о ней самой. И каждая женщина пахла по-своему. Но среди множества советских табу было также и табу на осмысление, а не то что описание запаха женщины, и не было в словаре Гурова таких слов, какими он мог бы описать Анин запах. Зато с завязанными глазами, с заткнутыми ушами, с кляпом во рту он узнал бы ее среди тысячи женщин.

— Я снова уведу тебя в Овидиополь. Мне понравилось, — сказала она.

ГЛАВА III. ЕЩЕ ОДНО ПРОЩАНИЕ

Когда-нибудь я еще верну
и радость, и прах в горсти.
Возьми на память еще одну
десятую часть пути.
И то, что было давным-давно,
и то, что поет звезда, —
возьми на счастье еще одно
прощание навсегда.

Бахыт Кенжеев

Джинсы и сумка

— Какой сегодня день? — спросил Паша в короткий промежуток между вечерним и ночным сексом.

— Смотря который час, — философски ответила Аня. — Если до полуночи, то суббота, двадцать шестое июля. Если после — воскресенье, двадцать седьмое. Ты, кстати, не забыл, что утром после завтрака мы едем в Одессу?

Идя по бетонным квадратикам, в своих стареньких шортах, без футболки, по направлению к кирпичному сортиру, Паша с удивлением нащупал в кармане испытанный смартфон и с еще большим удивлением поймал Интернет. Это в восьмидесятом-то году. Не иначе, он попал на съемки гениального фильма, где его снимают скрытой камерой. Даже название фильму придумал на автомате: «В СССР секса нет».

Как бы то ни было, он загуглил 26 июля 1980 года и выяснил, что действительно это была суббота — сценарист не подвел. А ведь когда он с утра покидал свой домик в Будаках, то 26 июля было воскресеньем, но только сорок лет спустя.

Сортир был освещен блеклой лампочкой без плафона, и на этот свет Паша вышел легко, да и дорожка вела прямо туда и там же обрывалась. А вот на обратный путь света не доставало, а светить смартфоном Паша не хотел: вдруг Аня спросит, что это за хрень у него в руке. С трудом вспомнил нужный поворот с квадратиков на протоптанную народную тропу (которая, как они с Аней шутили, «к нему, кирпичному, не зарастет»), стал просто ощупывать домик за домиком и наткнулся на знакомую женскую грудь.

Аня стояла на коленях у спинки своей кровати, выдвинувшись всем телом в пустую раму окна. Паша взял в руки обе груди. Поцеловал один сосок и сказал:

— Комендант так и не вставил нам стекло.

И поцеловал другой, пытаясь вспомнить нечто важное.

Но Аня стала втаскивать его через пустую раму в кровать, и нечто важное забылось, не вспомнившись. Вваливаясь вслед за Аней в постель, он кожей ног на миг

почувствовал приятное прикосновение добротной ткани origine Levi's (Анина гордость — подарок американского кузена).

А утром Паша вспомнил, с чего «важного» начиналось для них воскресенье 27 июля 1980 года: разумеется, с пропажи этих самых джинсов. Видимо, на рассвете, когда Аня и Паша, за ночь утомленные, крепко спали, какая-то сволочь просто протянула руку в пустую раму и джинсы со спинки скоммуниздила.

— Х.. с ними, — сказала Аня, явно сдерживая набегающие слезы. — Поехали в Одессу.

Надо отдать ей должное: ни при каких обстоятельствах она не отступала от ранее намеченных планов.

В уродливую хозяйственную сумку они собрали весь хлеб, оставшийся от завтрака в столовой: денег на обед в Одессе у них не было.

На Приморском бульваре было хорошо и нежарко, да и людей почти не было. Вольготно расположившись на широкой парковой скамье, с видом на так же вольготно сидящего Пушкина, Паша долго пытался представить молодого (как он сам сейчас?) любимого поэта вот так же точно сидящим на этом, тогда еще пустынном, берегу. Правой рукой Паша обнимал Аню, подле левой руки валялась постылая сумка. Вдруг Аня сказала с неподражаемой местной интонацией:

— Паша, зацепи сумку — это же Одесса. Сопрут, и не заметишь.

Иначе чем сильным стрессом в результате навек утраченных джинсов трудно было объяснить это «зацепи» в устах коренной москвички.

Стресс разразился истерикой на обратном пути в электричке. Аня слезами и соплями вымочила Паше всю футболку, ее тело в Пашиных объятиях была мелкая дрожь, а губы шептали нечто нечленораздельное вроде «что кузену я скажу».

— Вряд ли твой американский кузен приедет проверять, в каких ты ходишь штанах, — тщетно пытался Паша воззвать к логике, хотя бы и женской. — Ну хочешь, как приедем, заставим коменданта вызвать ментов и заявим о краже?

— Да, хочу! — выкрикнула Аня.

Ближе к позднему июльскому закату на базу «Якорь» из-за моста подъехали два бугая в форме на мотоцикле с коляской.

— Я сто раз просил коменданта вставить стекло, — жаловался Паша.

— Ну, ребята, вы даете, — искренне удивлялся мент. — При чем тут комендант? Вы бы еще ночью заявили. Воскресенье сегодня, у нас большой базар, наверняка там с самого утра уже толкнули ваши джинсы.

— Джинсы приметные, — настаивала Аня. — Вот спорю на что хотите, что других таких в Затокe нет. Что ж у вас в милиции нет местных воров на примете? Вы не знаете, что и кому они продают?

— Обижаешь, — ответил мент. — Хорошо, если джинсы твои такие приметные, вот пускай твой парень поедет с нами в отделение и напишет заявление по всей форме, с точным описанием пропажи. Может, и найдем...

— Ты меня отпускаешь? — шепнул ей Паша. — А вдруг я не вернусь из той ментовки?

— Ну не до такой же степени... — искренне удивилась Аня.

— Ладно, давай простимся как следует на всякий случай, — он сильно прижал ее к себе.

Она не спеша, но решительно высвободилась из его объятий:

— Знаю-знаю, каждый раз навек прощайтесь, когда уходите на миг. Дешевые киношные сантименты.

Нет, сегодня девушка явно была не в настроении...

Выпавшее кольцо

Оба мента уселись на мотоцикл, Пашу усадили в коляску. Когда въехали на мост, ветер с силой бросил ему в лицо краешек брезентовой накидки на коляске: этот краешек попал в очки и вышиб стекло.

— Тормози, очко вышибло! — заорал Павел.

Менты притормозили. Гуров выскочил на трассу — и пока подбирал свое стеклышко, оказавшееся целым, мотоцикл рванул, только Гуров его и видел.

Отчаянно завизжали тормоза. Капот с олимпийской символикой застыл в миллиметре от Гурова. «Идиот, ханыга, хиппи патлатое! Седой, а никак не уймешься!» — заорал пожилой водила.

Отскочив на узкий тротуар, Гуров легко вставил стекло в оправу. Проблема была лишь в том, что эту вот оправу, в которое вошло выпавшее в 1980 году стекло, Гуров купил в 2020 году, перед самым летним отпуском. Да и автомобиль, от которого «седой» (!) Гуров чудом увернулся и который встал последним в невесть откуда взявшуюся пробку при выезде с моста в одесском направлении, был, как видел теперь Гуров, не чем иным, как «ауди Q-7» второго поколения. Этот новый «долгожданный» модный бренд реклама на ютубе тщательно раскручивала с начала 2020-го.

А колец на капоте и на багажнике автомобиля, чуть не сбившего Гурова, оказалось не пять олимпийских, а обычных (для эмблемы «ауди») четыре.

И снова дядя Толя

И снова «турникет» открылся в обратном направлении. А вон вдали и фигурка в черном платье, женщина с косой. Медленно идет, как бы без дела прогуливаясь. Догнать? Да все равно, лишь бы скорее оказаться дома, рядом с женой и таксой. Солнце только что закатилось за лиман, резко подул холодный ветер и принес тучу комаров. Не до такой степени Гуров сошел еще с ума, чтобы, чудом выскочив из-под колес, бояться смерти не от ДТП, как все нормальные люди, а непосредственно от старухи с косой.

Быстро двигаясь по направлению к дому, Гуров вдруг увидел, что черная фигура на фоне багрового неба — вовсе не женщина с косой и в черном платье, а дядя Толя в черной рубашке и джинсах. И вовсе безо всякой косы.

«А нехорошо будет, если он меня заметит, — вдруг спохватился Гуров. — Подумает, что выслеживаю. То есть подумает именно то, что на самом деле и есть».

Но что же ему оставалось? Только двигаться вослед «объекту». Однако медленная прогулка отпадала: от холода Гуров дрожал крупной дрожью. Оставалось одно — пробежка.

Пока согрелся на бегу, что-то очень уж крупно показался дядя Толя, не спеша бредущий краем моря. Гуров лег на песок, еще не успевший остыть от дневного солнца. Закрыв глаза, наслаждался нежданно накатившим теплом и отсутствием здесь, у кромки моря, куда-то унесенных ветром комаров.

Жаль, но нужно идти. И только поднялся, как раздался раскатистый рык:

— А ну, профессор, подь сюда!

Анатолий сидел на песке шагах в двадцати от Гурова и посмеивался. Что было делать? Подошел.

— Сидай, побалакаем, — почему-то на местном суржике предложил вроде бы вполне русскоязычный Анатолий.

— Вот вышел поплавать, когда народу нет, — заявил Гуров, присаживаясь рядом с (теперь уже бывшим?) «объектом».

— Да ладно, я же вчера еще понял твои сомнения. Можешь не сомневаться: я Высоцкий.

Гуров онемел.

— Да не бойсь, ты не один такой умный. Были умники, куда только ни пытались обо мне заявить: и в КГБ, и в милицию, и в «Литературную газету». Теперь, почитай, по всему бывшему Союзу в дурках сидят. Ты же не хочешь в дурке сидеть?

— Не хочу, — признался Гуров.

— Вот и ладно. Я, конечно, в отцы тебе гожусь и при девушке твоей (которой, говоря между нами, ты годишься в деды) вчера постеснялся выпить с тобою брудершафт. Но считай, что выпили. И давай уж Семенычем меня зови. А я тебя Гурычем. Ты ведь Пал Гурыч по паспорту, правильно я запомнил? А то сунул при поселении и сразу отобрал, едва я и углядел. Что там у тебя, брак не оформлен? Или с пятой графю проблема?

— Да нет ее теперь, графы-то пятой. А брак оформлен, все чин по чину. Просто привычка такая: официальным лицам паспорт долго не показывать.

— Ну и слава богу, а то я уж думал, ты растлитель малолетних и к тому же еврей.

— Имеешь что-то против?

— Против евреев? Или растлителей?

— Против евреев.

— Нет, сам такой... Но ты слушай. Тебе первому расскажу. Ведь сорок лет вчера было — это ж как сорок дней! Давай только не тиражировать сенсацию, ладно? Никому, даже девушке твоей, лады? Ну вижу, что лады. Да и не было б никакой сенсации. Никто теперь Высоцкого не помнит.

— Ну это ты, положим, прибедняешься...

— Не скажи. Я тут намерен на базаре пробовать свои старые песни петь. Так никто даже не улыбнулся, стояли с каменными мордами. Ни «Дорогая передача...» не зашла, ни «Я вчера закончил ковку...». Знакомые ребята подошли: «Ты, дядь Толя, конечно, у нас Высоцкий, кликуха тебе подходящая, но ты ему не подражай — не прикольно...» Пришлось опять на частушки собственного сочинения перейти, вот это им прикольно. А совсем не петь я ж не могу, когда душа поет...

— Так что же все-таки произошло 25 июля 1980 года? Если вкратце.

Упав навзничь на еще горячий песок, он начал свой рассказ.

Врез 2. Второй монолог актера

Если вкратце, все произошло накануне: двадцать четвертого, а не то и двадцать третьего — этого уж я четко не помню. Разговорился я с Витей Мухиным — гримером на «Мосфильме». Пили с ним и говорили просто, сердечно и по-русски. Человек чистый и божеский, без нашего лукавства и придуривания. Говорю ему: «Тошно, Витя! Не могу так больше». А он мне: «Хочешь, выпущу тебя на волю?» Я удивился: это как? Ну тут он мне и предложил такое, что я сгоряча, пока мы с ним не протрезвели, позвонил знакомым ребятам в морг и попросил в подарок свежий труп бомжа, желательнее скончавшегося от передоза.

Надеюсь, ты помнишь, что такое был Высоцкий в 1980 году. Что он ни попросит в подарок — хоть честь девичью, хоть Родину предать, — все устроят моментально, зачем, не спросят и спасибо не попросят.

Вот и привозят нам из морга бомжа, в точности как заказывали. И тут я вижу, что не сбрыхал Витя: искусство грима достигло совершенства и может буквально все. С перепугу я протрезвел, как увидел мертвого себя, аккуратно на стол положенного. Хотел сбежать, а Витя: стой, говорит, и тебя загримирую.

Дальше дело техники: прощание близких и далеких, вынос тела с Таганки под аплодисменты и могилка на Ваганьковском.

А я от Вити вышел неприметным курносый блондинчиком. Метнулся сразу на Киевский вокзал. Сел в плацкартный до Одессы — и там с вокзала сразу сюда. Ребята с Одесской киностудии в эти края не раз меня возили, говорили — самый безлюдный пляж СССР, да он, как видишь, и донныне такой.

Сберкнижка была у меня на предъявителя, денег много — ровно столько, сколько Промокашка Шарапову от Горбатого на такую же книжку положил (по приколу подражал). Дождался приватизации и, пока все деньги в реформу не пропали, сумел-таки вложиться в развалюху турбазу и даже отремонтировать попервах.

Вот так я и стал Хозяином Косы. Вернее, был: вишь вон сколько конкурентов строится! Ну да на мою жизнь мне моего с лихвою хватит.

А роялти, копирайты — это лишнее. Всех денег не захапашь и в могилу с собой не унесешь. Пусть уж наследники потешатся, хрена ли им кайф ломать? Это я насчет сенсации и запоздалого явления народу. Сорок лет спустя — перебор даже для Дюма.

Врез 3. «Мой Семеныч» (монолог Гурыча наедине с самим собой, записанный на телефон)

Человечество странно использует своих гениев: в основном себе во вред.

Взять, к примеру, Вторую сонату Шопена: светлую, жизнеутверждающую часть этой в общем мрачноватой сонаты зачем-то превратили в похоронный марш...

Вот так поступили и с моим Семенычем. Оставили в своей памяти алкашом и наркоманом. Медицинскому вскрытию ловко подкинутого ребятами бомжа поверили больше, чем всему его искрометному, жизнеутверждающему творчеству.

Эх, что там Лев Николаич со своим «не могу молчать»? Мне б его проблемы! А моя такая: неужто Семенычу так и оставаться только моим Семенычем? Несправедливо это в отношении миллионов людей хотя бы моего поколения, которому он «в отцы годится». А так и стал как бы духовным отцом...

Видели бы вы, ребята, его сейчас! Да мы с вами во сто раз больше старики в свои с хвостиком шестьдесят, чем он в свои с хвостиком восемьдесят! Сколько сдержанного благородства и большой человеческой отваги!

Вы мне возразили бы наверно: но ведь вторую половину своей жизни он провел на море, в блаженной тишине — вот и успокоился! Дескать, нам бы так...

И тогда я попросил бы сделать из строя два шага вперед тех, кто праздник жизни рано закончил, не допив до дна, — и враз умел расстаться с ним. И посмотрел бы, много ли выйдет.

Но что мне делать с моей тайной? Рассказать ли мне мою историю одному моему другу — издателю и прозаику? Или все-таки не рассказывать?

ЭПИЛОГ. ОБРЕТЕННЫЙ РАЙ

Припев: Две жизни прожить не дано,
два счастья — затея пустая,
из двух выпадает одно,
такая уж правда простая.
Кому проиграет труба
прощальные в небо мотивы,
кому улыбнется судьба,
и он улыбнется, счастливый.

Булат Окуджава

Прогулка с удовольствием и не без морали

Гордыня овладела Гуровым. Чавкая, медленно и со вкусом, гордыня Гурова начала уже Гурова сжирать.

И то сказать: не новый ли он Данте — последний человек Нового Средневековья и первый человек Нового Возрождения? Возрождения чего именно — додумаем после. Ведь его собственная гуровская Беатриче, некогда ушедшая в автономное свое небытие, вспомнила о Гурове в кризисный для него, Гурова, момент и призвала его к себе. И у ног (или все-таки между ног?) ее он, Гуров, обрел свой рай.

Но выбор, надо сказать, встал перед ним такой, что Данте нервно курит в сторонке. В отличие от автора «Божественной комедии», Гурову удалось во второй и по ходу не в последний раз сбегать к своей Беатриче в их с нею общий бывший рай. Более того: он, буде пожелает, может сам себе навсегда закрыть обратный путь в свой грешный XXI век. Просто в один прекрасный день не вернуться к турникету, а вместо этого вернуться в Москву 1 августа 1980 года.

В этом, собственно, и состоит проблема выбора: вернуться к той — настоящей, трудной молодости 1980-х? Или длить свою легкую, искусственную молодость рядом с молодой женой 1990 года рождения? И если Павел правильно понял правила этой фантастической игры, то решать надо быстро — до 1 августа 2020 года. Но вот уже и солнце 29 июля закатилось над лиманом...

И тогда он придумал такое, до чего не додумался бы никакой Данте. Он устроит встречу двух своих молодостей, и Анины страдания от аллергии на собачью шерсть пусть будут самой легкой платой за эту невероятную, немислимую встречу...

— Неужели же тебе так и не захотелось сходить по берегу в Заток? После того как я дважды легко преодолел этот путь в обе стороны? — стал мягко подбираться он к Яне.

— Мне-то захотелось, но я волнуюсь о Фокси. Как ей будет бежать по такой жаре?

— А мы выйдем на рассвете. Кстати, море здесь — с восточной стороны, и рассветы над ним величественны и прекрасны.

— Змей ты мой искуситель! — сказала Яна. — Что ж, завтра в путь?

Вместо ответа Гуров, по своему обыкновению, отнес ее в постель. Кстати, и уснули пораньше, чтоб завтра не проспать.

Не проспали, вышли еще до рассвета. Вот там, где море сходится с небом, робко вспыхнул алый огонек. И сразу загорелась вся линия горизонта. И тут же огонек прямо на глазах стал расти и медленно превращаться в огненный шар: важный день стартовал.

Фокси пыталась охотиться на уток и пеликанов. Яна была без ума от «елки» и охотно поиграла в новую игру: когда Павел взял «елку» за «верхушку», на миг остановил

и запустил против часовой стрелки — Яна быстро подхватила Фокси на руки, и все трое проскочили сквозь «турникет», прежде чем ветер «елку» развернул назад. И сразу за плавным поворотом Косы им открылся вид на железнодорожный мост над подлинным устьем Днестра, где наконец соединяются его воды, отфильтрованные лиманом, с водами Черного моря.

По мосту прошел вполне себе советский товарняк. Павел загадочно улыбнулся. Все шло по его плану.

Но что это? За мостом в глянцево-голубое безоблачное небо тянулись высотки-отели. Шезлонги и пляжные зонтики новейшего образца, красотики в бикини — и ни намека на старую будку спасателя у базы «Якорь», да и базы «Якорь» никакой тоже не было. Музыка еще издали ревели не по-детски, и, прислушавшись к ней, Гуров понял, что это певица-дочь наяривает шлягер из уже не нового для 2020-го, но и невозможного для 1980-го фильма «Ирония судьбы-2»:

Опять метель,
и маются снежинки в темноте.

Для 1980-го в подобном случае следовало бы: певица-мать и нечто вроде

Откроет душу мне матрос в тельняшечке,
как тяжело на свете жить бедняжечке.

— А хорошо, что мы выбрали для отпуска не Затоку, а другой конец Косы, — сказала Яна. — Путь по Косе был прекрасен! Но здесь-то ты нашел что интересного? Та же Анталия, только море холодное. А цены выше турецких, я специально узнавала. Коса здесь кончается. Вон между морем и лиманом поезд пошел. Да и лимана отсюда уже не видно. Там что, на лимане?

— Там Овидиополь. Мы там с тобой еще не были.

— В честь Овидия назвали? — спросила любознательная Яна. — А когда?

— Точно не помню.

— Щас загуглю. Так: дата переименования Овидиополя. Вот: 27 января 1795 года по указу Екатерины турецкое селение Аджидер (тур. Acidere, что в переводе значит Горькая долина) на берегу Днестровского лимана было переименовано в Овидиополь... А с какого перепуга — не пишут.

— Какой-то умник убедил царицу, что именно на берегу Днестровского лимана находилось место ссылки и смерти Овидия. Это оказалось фейком: он был сослан в город Томы, ныне Констанца, это тут недалеко, в Румынии... Так, значит, горькая долина? Вот это название на самом деле интересно было бы выяснить на предмет происхождения: почему горькая-то? Но вряд ли теперь уж удастся это выяснить. Кстати, это близко. Давай сходим?

— Нет, знаешь что? Давай сейчас устроим пикник, съедем все, что брали с собой, и потом мы с Фокси подождем тебя здесь, поплаваем. Я дам тебе три часа, хватит, чтоб прогуляться до Овидиополя и вернуться к нам сюда? Только учти, отдыхать не будешь, сразу двинем в обратный путь. Чтоб закат над лиманом увидеть уже на Косе. И желательно ближе к дому, а то пока мы будем идти в темноте, комары съедят нашу Фокси.

Горькая долина

И в Овидиополе Гурову на сей раз не повезло: не было там и следов какого-либо совка.

Почти у самого берега лимана рос старый дуб, выдавший если не Овидия, то, как минимум, Пушкина. Павел сел на траву, прислонился спиной к надежному корявому стволу. Уснуть бы и проснуться в 1980-м. И как само собой разумелось — сразу уснул.

— И-и-и... припев... все вместе...

Знакомый голос Семеныча, как бомба, взорвал тишину в голове у прикорнувшего под дубом Гурова. Он вскочил.

Две жизни прожить не дано,
два счастья — затея пустая... —

бодро вступил хор военных моряков.

Но тут Семеныч увидел Гурова.

— Стоп! — скомандовал он. — На сегодня хватит. Подавай карету!

Из кустов послушно выкатился БТР.

— Что ты тут делаешь? — спросил озадаченный Гуров.

Он не БТР, конечно, спросил, а Семеныча. И тот хорошо ему ответил:

— Не слышишь разве: несу Булата в массы. Я тут хор репетирую по четвергам.

— А где мы? — опять спросил Гуров.

— В Овидиополе — городе Овидия.

— Ты хотел сказать — Вергилия? — что-то смутно со сна припоминая, поправил его Гуров.

— Ну вот: профессор, а не знаешь, что Российская империя очень хотела прикарманить место ссылки Овидия на Черном море. Чтоб собрать полный комплект мест каторги и ссылки. И как только отобрала это место у турок, нарекла Овидиополем. Не вышло: оказалось, в Румынию его таки сослали. В Констанцу. Ладно, хватит истории, полезли в БТР. Твоя Яна небось тебя уже в Затоке заждалась.

— Моя Аня?

— Перестань. Тебе благодаря мне и вопреки древним удалось дважды вступить в одно и то же море 25 июля 1980 года. А потом еще и в третий раз — по непонятной для меня причине. А ведь это я привел тебя в год моей так называемой смерти. Ты что, забыл? Как я стоял в раздумье на мосту в этот самый день моей так называемой смерти — 25 июля 1980 года? А тут ты шел, про базу «Якорь» меня спросил. А я только что мимо этой базы прошел и ее заприметил. Вид у тебя был странный. Думаю, дай парня странного проведу, спешить-то мне куда? Сам не знаю, как это мне удалось отвести тебя на сорок лет назад. Я только через сорок лет это понял, когда ты ко мне на отдых пожаловал...

— И часто ты с тех пор работаешь Вергилием? Я имею в виду: часто водишь такие экскурсии?

— А ты, представь, мой первый экскурсант. И последний. Понимаешь, люди делятся на два типа, — объяснял Семеныч, ведя Гурыча под руку к БТРу. — Абсолютное большинство принадлежит к первому типу, я называю его «достигающие достижения». Кто-то сегодня поймал маленькую рыбку, завтра поймает большую. У кого-то сегодня маленькая зарплата, завтра будет большая. Кто-то написал сегодня плохую песню, завтра напишет хорошую... Такие всегда сами себя оценивают, ходят кто с рулеткой, кто с калькулятором... А есть меньшинство, я называю его «приключаящиеся приключения». Им, то есть нам, не так уж важно, как выглядит, смотрится, слышится то, что мы делаем. Мы идем от приключения к приключению, от опыта к опыту. Причем этот опыт нас ничему не учит. Он нам вроде бы ни к чему, ни для чего... Ну, ты меня понял.

— Еще как. Вот он, значит, мой обретенный рай: не в 1980-м, а в 2020-м.